

Дарья Кузнецова

Задача с яйцом

Дарья Кузнецова

Задача с яйцом

<https://litres.ru/74107433>

SelfPub; 2026

Аннотация

Найти "то — не знаю что" — это присказка, сказка начинается в тот момент, когда в назначении странного устройства пытаются разобраться.

Для Северины, талантливого механика из Тридевятого царства, простое поручение царя обернулось неожиданным путешествием и множеством приключений. Ей предстоит найти своё счастье и разобраться с нетривиальной задачей: выяснить, какова она, смерть Кощеева, и при чём тут всё-таки яйцо?

Содержание

Глава 1. То — не знаю что	4
Глава 2. Там — не знаю где	32
Глава 3. Красна девица	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Дарья Кузнецова

Задача с яйцом

Глава 1. То — не знаю что

Яблочко заводное упрямо отказывалось кататься по тарелочке с магнитной каёмочкой. Тарелочка работала исправно, это Северина проверила первым делом, а вот яблочко — не катилось, хоть ты тресни. Ни по этой, ни по другой, имевшейся в хозяйстве. Заводилось, но лишь медленно крутилось на месте, тихонько тикая.

Дело, значит, не в механизме, а в паутинке, которую яблочко должно было развёртывать. Чинить чужую паутинку — дело неблагодарное и бесполезное, значит, надо вскрыть, вычистить и сплести всё заново. Северина прекрасно знала, как это делается, не первый раз, но лентяйничала. В железках ковыряться — это дело, а паутинки... Рукоделие, тьфу! Рукоблудие.

И день сегодня такой, что не до нежеланной работы. Птицы надрываются, солнышко улыбается во всю ширь, всё кругом цветёт, листвой зеленеет, а на речке — красотища! Вода уже тёплая, песочек маленький...

Да только шиш ей с маслом, а не речка сейчас. Яблочко починить надо сегодня — кровь из носу, боярин Кузовкин

слёзно упрашивал. Дела Северине нет до его слёз, но плату посулил двойную, да и с боярышней Марьяной Кузовкиной вредно ссориться.

Девушка была не злой и не бестолковой, рукодельница хорошая, хозяйка, но нравом больно крута и статью — поляница¹, а не скромная боярская дочь. В кого такая уродилась! Ещё она обладала влиянием на других боярышень и имела долгую память: кто обидел — прощения потом искал и не находил, зато и добро не забывала. В общем, полезное знакомство.

Всё бы ничего, но на вечер Марьяна пригласила подружек, тарелочку посмотреть. В столице Тридюжинного царства будут показывать развязку нашумевшей истории про Варвару-красу и богатыря Светлогора, билеты на представление загодя раскуплены, по тарелочке только и посмотришь. А она не фурычит.

Повздыхав на законную благодать, Северина повторно начала разбирать яблочко, на этот раз — целиком, чтобы добраться до розового кварцевого сердечка, рождающего паутину.

Яблочко устроено просто. Заводной механизм с часовой пружиной, колёсико да молоточек, который постукивает по кристаллу и выбивает из него узелки паутины, а та затягивает тарелку — и показывает то, что велел человек, заводивший яблоко. И механизм простой, и паутинка — несложная,

¹ Поляница — женщина-воительница, богатырша

только муторно всё это. Потому что скучно.

Северина упрямо закусила губу, насупилась. Пинцетом достала маленький, с ноготь, камень, подкрутила опущенное на глаз увеличительное стекло и внимательно осмотрела кристалл в поисках узелка. Сюрприза не было, неизвестный мастер закрепил всё как положено, на вершине камня. Подцепить да вытянуть аккуратно, чтобы не оборвалась — невелика наука.

А вот паутинка оказалась неуклюжей, неровной, с провисами и прорехами, да и уложена кое-как. Раздосадовано прицокнув языком на того, кто устроил это безобразие, Северина стряхнула его с пинцета на пол, где паутинка развеялась дымом, и принялась выплетать новую.

Во множестве бытовых устройств использовались подобные схемы — для каждого, конечно, своего типа, — и дело с ними иметь приходилось постоянно. Чтобы не тратить лишнее время, Северина ещё во время учёбы обзавелась основами под самые распространённые. Размеченные дощечки с набитыми в строгом порядке гвоздями — куда уж проще! Это под что-то новое и трудное надо кумекать и на макетной доске расчерчивать, а тут — ширпотреб.

Нитку Северина брала льняную, хорошую, тонкую. Для дела неважно какую, а ей нравилось работать с чистым льном — рукам приятно. Ловкие пальцы двигались сноровисто, узелок ложился к узелку, ниточка к ниточке под тихое, напевное, бездумное: «Покажи мне поле, покажи мне лес, по-

кажи побольше всяческих чудес»... Неважна складность, мотив неважен, важно — заговорить на правильное дело. Ученики пользовались затверженными наизусть присказками, а Северине никогда не давалась зубрёжка — но нравилось её дело.

Каждый круг паутинки, замыкаясь, начинал блёкло светиться, делался прозрачным и невесомым — дюжина кругов на дюжине ниток. Когда затянулся последний узелок, нити сверкнули — и паутинка ослабла, соскользнув с гвоздей и повиснув над дощечкой. А дальше уже и вовсе дело техники: подцепить за серединку, по одной прижать основные нити к камню...

— Сенька! Бросай свои шурешки, к царю зовут!

— Подождёт твой царь, — отмахнулась Северина, даже не вздрогнув. Братец ступал легко и тихо, но не ему к ней подкрадываться незаметно: приближение родной крови девушка почуяла ещё тогда, когда он на двор шагнул. — Царь твой мне сам повелел сгинуть с глаз долой, вот пусть и расхлёбывает.

Северьян осторожно присел на свободный стул в стороне, у двери светёлки. Знал, что сунешься не вовремя под руку — можно и клещами по голове огрести, если что вдруг сорвётся. Проверено. Увернуться-то он увернётся, но зачем сестру расстраивать?

— Сень, ну ты что! Царь же. И он с тобой мириться хочет.

— За Елисея не пойду! — отрезала она, не прерывая воз-

ни с паутиной, и бросила на брата сердитый взгляд.

— Да все ещё в прошлый раз поняли, — рассмеялся он.

— Сказки мне не рассказывай! — скривилась Северина и аккуратно закрепила наконец паутинку, после чего распрявилась и сняла со лба кожаный ремень, к которому крепились на суставчатых лапках разные лупы. — Кто-то, может, и понял, а Елисей — дурак. Утром вот только являлся.

— Чего хотел? — Брат усмехнулся, но в глазах мелькнула насторожённость.

— На ярмарку звал. Спаси меня Леля от этого ухажёра, — проворчала она.

Северьян только головой качнул, но спорить не стал. При всём уважении к царю Владимиру, младший сын его Елисей вышел — ни нашим ни вашим. Не то чтобы негодяй, но на сказочного дурака не тянул ни смекалкой, ни добротой, на витязя и толкового царевича — ни лицом, ни статью, ни умом. Девицы к нему липли из властолюбивых и на деньги падких, а Елисей, не будь дурак, за Сенькой волочился. Царь поначалу обрадовался и благословил, да только невеста упёрлась.

Полгода уже минуло с тех пор, как они с царём вдрызг разругались. Давно бы помирились, да на беду и Елисей удила закусил: хочу, говорит, жениться на Горюновой, другие не любы.

Так и жили.

— Чего там у царя? — спросила Северина с показным

равнодушием, шустро собирая яблочко.

— Задача есть, как раз по тебе.

— Ишь ты! А ведь незаменимых нет, у него таких пучок на пяточок в базарный день, — расплылась сестра в самодовольной улыбке.

— Не справились они, — подлил Северьян еляя, посмеиваясь в усы. — На тебя вся надежда.

— А тебя сюда как сотника или как брата послали?

— Как обоих, — ухмыльнулся он. — Не мытьём, так катаньем велено тебя умаслить, так что ты уж не наглей, не подведи брата.

Северина довольно промолчала, на пол-оборота завела собранное яблочко — и то, пощёлкивая, покатилося по тарелочке.

— Тарелочка, покажи царя Владимира! — бросив полный превосходства взгляд на брата, скомандовала она.

Злые языки болтали, что девица Горюнова от царевича нос воротила только потому, что на отца его глаз положила. Брат за всю эту занимательную анатомию свернул пару челюстей — он-то отлично знал, что Сенька в царицы не метила и во Владимира влюблена не была. Да и во что там влюбляться, по совести? Елисей в него наружностью пошёл, такой же мелкий и щуплый, а тут ещё и старик. Голова плешивая, борода паршивая... Разве что умом боги царя-батюшку не обделили, это верно. Но ты пойди да объясни каждому, что это у них дружба такая странная!

Тарелочка, подумав, послушалась, а Северина — недовольно ругнулась и обиженно надула губы, разглядывая парадный царский портрет. Забыла совсем, что яблочко-то не её, а обыкновенное.

Паутинки отказывались подглядывать за людьми, показывали только общественные места. Отчего так получалось — никто толком не знал, но обойти запрет, насколько Северьян знал, пока сумела только его сестра. Из чистого упорства. Сейчас таких вот особенных пар из тарелочки и яблочка, которые могли показать что угодно, имелось три штуки во всём Тридевятом царстве: одно у Сеньки и два у царя для государственной надобности.

— Ну и ладно, леший с ним, — проворчала Северина, а тарелочка, мигнув портретом, отобразила живописный лесной пейзаж с залитой солнцем поляной. — Пойдём, что с ним сделать! Пропадёт же без меня. Погоди только, переоденусь, и на вот, держи, зайдём по дороге к боярину Кузовкину.

Северьян не стал пенять на то, что царь ждёт, а то сестра из вредности станет возиться ещё дольше. Это она по работе — Премудрая, а по жизни... Двадцать пять лет — а ума нет. Впрочем, нет, не ума, этого даже с избытком, а чего-то такого, чему брат никак названия не мог подобрать. Женской мудрости, что ли?

Дома Северина возилась в полотняной рубаше с подвёрнутыми рукавами и юбке едва ниже колен — в таком на улице,

конечно, не сунешься. Пока убежала к себе, брат спустился в горницу, где осторожно положил яблочко и тарелочку на стол. В его привычных к мечу руках девичья безделица выглядела особенно хрупкой, боязно было что-нибудь испортить. Это в детстве брат с сестрой были так похожи, что не отличишь, а теперь... У него ручища — как две её, рост на полголовы выше. Разве что масть общая, рыжая, да и то Северьян почти всё время на улице, отчего кожа темнеет и дубеет да волосы выгорают, а сестра — в мастерской возится, бледная, веснушек мало.

Освободив руки, Север — вот же выдумали родители имена рыжим детям! — зачерпнул из бочки ковш воды. Напился, борясь с желанием полить на голову — макушка лета, жара.

Сестра пришла неожиданно быстро. Волосы в косу собрала, синей лентой повязала под цвет сарафана — не стыдно в государевых палатах появиться.

Пока шли через город сначала к Кузовкину, чтобы работу отдать, а после — к царю, говорили об отвлечённом. Северине, конечно, хотелось расспросить, что за задачка появилась у царя, что тот плюнул на обиды и послал за ней, но упрямство мешало расспрашивать, а брат, конечно, понимал её интерес, но облегчать жизнь не собирался. Захочет — спросит прямо.

Не спросила.

— Вот полюбуйся, — вместо приветствия сообщил царь,

когда Горюновых к нему пригласили. — Как тебе?

— Не знаю, ваше величество, вы же меня выгнали, я не видела ничего, — вредным тоном ответила Северина, не сводя жадного взгляда с непонятной штуковины, стоявшей на отдельном столике.

— А ты разгляди, Северина Премудрая, — усмехнулся в бороду царь, подмигнув её брату. Обидное «вы», как к чужому, он пропустил мимо ушей.

Дольше показывать гордость девушка не смогла, шагнула к предмету своего любопытства. Хотя, ей-богу, причин интереса Северьян не понимал. Сундучок какой-то с два его кулака размером, во все стороны выступают шестерёнки и прочие железки, не влезшие в корпус, вверх торчит вставленный в отверстие заводной ключ. Сестра, однако, в железяку вцепилась обеими руками, обсмотрела со всех сторон, где-то ногтем поковыряла, где-то поддеть попыталась...

— Это что такое? — спросила наконец у царя, наблюдавшего за вознёй с умилённой улыбкой.

— То — не знаю что.

— Как это? — растерялась она.

— Да вот так, — царь скривился. — Анфиска моя всё женихов перебирает, задачку задала — принести вот это самое. А один возьми да принеси. Ох она тут вопила! — припомнил с явным злорадством. — А некуда деваться, слово дала — будь добра замуж, коли жених все службы исполнил. Свадьбу-то сыграем, никуда она не денется, тем более и па-

рень хороший, смекалистый, мне пригодится. Да вот приволок он эту хреновину из Тривторого царства. Откуда взялось — никто не знает, включая тамошнего царя, что делает — непонятно, так что службу Алёша сослужил честно. Но интересно попробовать разобраться и царю Василию нос утереть. Все уже попробовали поковыряться, да только никто не справился. Возьмёшься? Коли разберёшься — награжу, не обижу, ты меня знаешь.

— Возьмусь! Если ещё Елисея отвадишь, царь-батюшка, — смилостивилась она, но главную обиду всё-таки не забыла.

— Да поговорю я с ним, поговорю! — Царь страдальчески возвёл очи горе.

— Жени его вон тоже. А то Анфису замуж можно, а его чего нельзя?

— Постараюсь. — Владимир только скривился.

Не говорить же про сына «да кому он нужен»? Анфиса хотя и вредная порой, но наружностью в мать пошла, красавица, да и умница тоже. До Премудрой не дотягивает, усидчивости ей не хватает и старательности, но всё же не Елисей. Не женить же родного сына на дряни какой-нибудь властолюбивой! Младший, конечно, старших братьев ещё трое, но всякое в жизни бывает. Да и жалко, не заслужил он такого зла.

Под насмешливым взглядом Северьяна, который перетапывался при входе, и обиженным — советника по механи-

ческим делам две головы, старая и молодая, склонились над непонятной хреновиной. Царь рассказывал, что уже попробовали, Северина — засыпала его новыми вопросами. Обида оказалась забыта, и стоило ли полгода друг на друга дуться.

Механика и новаторство были для царя хотя и полезным для государственного престижа и казны, но — увлечением, которому много времени не посвятишь. Под честное слово не потерять, а если потерять — то никому об этом не рассказывать Северина отправилась домой, в родную мастерскую, с добычей в охапке, а брат двинулся следом, провожать. Это в первый момент попробуй отними у неё новую игрушку, но до дома не близко, устанет. Хреновина небольшая, но явно — тяжёлая.

Так и вышло. Северьян проводил сестру и оставил наедине с добычей, распрощавшись до вечера. Надежду на то, что Сенька не уйдёт в попытках разобраться и изба устоит, испытал, но обратил её к чурам в углу, а не к сестре: на них, хотя и деревянные, надежды больше.

Время — оно всему основа и всему голова. Всему живому отмерен свой срок, и только воля человеческая определяет, впустую тратить запас или расходовать на что-то полезное.

Время — великая река, омывающая пять колёс Мирового Механизма. На каждом время собственное, каждое оно одаривает особым вниманием, но везде неумолимо стремится вперёд. Поговаривали, есть за пределами Колёс места, где

оно ведёт себя иначе, но людям туда ходу нет. Сказки притом рассказывали — одна страшнее другой.

Время заставляло работать механизмы: то, что мастер расходовал на паутинку и само изделие, притом с пользой и вниманием, — закладывало основу и определяло силу, а то, что тратил человек на завод готового устройства, — заставляло работать. Притом всё это ещё и от человека зависело, иной механик месяц провозится — хлипкое и чуть живое детище создаст, другой за пару дней — и на десятилетия, да и одного завода у кого едва на час вытягивало, а у другого — и на три, и на четыре. Спорили, прибавлять ли к основе время, которое тратили на рост железные и медные деревья, и некоторые мастера полагали, что из старого дерева механизмы выходят сильнее, оттого оно выше ценилось, но никаких подсчётов никто не вёл и закономерности точной до сих пор не высчитал. Умные разговоры велись испокон веков, но тем и заканчивалось.

Северина лезть в дебри не любила, больше тяготела к практике, но сейчас её занимал один умозрительный и оттого не менее насущный вопрос: сказывается ли на механизме время, потраченное мастером на разборку наследия предыдущего умельца?

Неделя минула с тех пор, как в её мастерской появилось загадочное незнамо что, и менее загадочным оно за это время не стало. Северина, в первый день с наскаку не разобравшись, не поленилась разыскать смекалистого Алёшку —

царевниного жениха и уломала рассказать историю добычи. Третий сын мелкого купчишки боялся упустить удачу, так что отпирался долго: а ну как Премудрая разберётся, да и завернут его с этой службой? Выйдет-то уже известно что! Пришлось подключать царя, тому будущий зять перечесть не отважился, но бумагу с печатью всё-таки требовал.

Хваткий парень, Владимир уже прикидывал, куда его к делу пристроить.

На след загадочной вещицы Алёша напал благодаря каменцам, купцам с Четвёртого Колеса — вездесущим и всеведущим. Долго находиться здесь, на Третьем Колесе, они по законам природы не могли, но дела всё равно вели охотно, а ещё охотнее собирали сказки везде, куда заносила судьба. Долгоживущие, неторопливые, они страшно любили необычные, загадочные истории.

Легенда о «том — не знаю чём» бродила по миру долго, очень долго, и вещица эта тоже немало попутешествовала. Владыка Тривторого царства был далеко не первым хозяином. Безделушку покупали и крали, выбрасывали и находили — боги знают, сколько лет. Кое-кто уверял, что вещицу эту некий ловкий вор умыкнул у самого Кощея Бессмертного. Кто про век давности говорил, кто — и на тысячи лет замахивался, но Северина с трудом в это верила. Время неумолимо, и как бы старательно мастер ни работал над вещицей, тысячу лет ей не прожить. Не кусок камня же, тонкий механизм! Да и Кошей...

Старушечьи сказки всё это, малышей зимними вечерами стращать у печи, чтобы мамок слушали. Только Северину и в детстве они не пугали, а вызывали град вопросов — как из худого мешка. Отчего он бессмертный, есть ли у него вообще время? А остров Буян — он на каком Колесе находится? А дуб? А как утка в зайце помещается?

Впрочем, девица Горюнова быстро поняла, что ничем хорошим эти расспросы не заканчиваются: старуха всё равно не знает ответов, только сердится, а потом другие дети ругаются за испорченную сказку — и братья с сёстрами, и соседские, прибежавшие послушать.

Бабка Щука, главная в деревне сказочница, уже тогда говорила родителям: не останутся близнецы в отчем доме, пойдут другой доли искать. Прозорливая оказалась, они и правда подались в город. Сестру взял в ученики один мастер, и сейчас она уже с заслуженной гордостью величалась Премудрой, а брат снискал удачи на царской службе. До сотника уже дослужился, в свои-то двадцать пять и без покровителей!

Сказки сказками, но и приплетение к делу бессмертного зла не сделало штуковину понятнее: ничего, кроме тихого пощёлкивания, от неё в известном прошлом не слышали и не знали. Но и это пощёлкивание Алёша посчитал болтовнёй, сейчас она ничего подобного не умела. У прошлого владельца диковинка лежала мёртвым грузом в сокровищнице, и избавился он от неё без сожаления.

Рассказ не пролил света на работу устройства, но подозре-

ния разбудил, и Северина засела в светёлке разбирать добычу. Что это такое — она по-прежнему не понимала, но одно знала твёрдо: если что-то щёлкало, а потом перестало, значит, его уже сломали.

И точно.

Поломка нашлась на третий день, когда получилось аккуратно снять кожух и некоторые внешние детали, да какая! Кто-то умудрился обломать зубы паре шестерёнок поменьше и подчистую свернуть собачку одного храпового зацепления, так что не враз разберёшься, где она вообще находилась. Пострадал и длинный пружинный язычок, щёлкавший по тонкой рабочей нити, которая, однако, выглядела целой. Вернее, один из десятка, и тут непонятно, умелец какой-то постарался или время.

Несколько дней ушло на поиски замены. Язычок выправить ничего не стоило, подходящие шестерёнки, по счастью, нашлись у знакомого мастера, и тот уступил без подлостей. А вот с храповиком пришлось повозиться, из заготовки руками доводить.

Шла Дажьбогова неделя — середина лета. Благодарили богов за солнце и тепло, просили об урожае, гадали-веселились. Сегодня главный день гуляний, и Северьян уговаривал сестру пойти, но — где там! Увлечённой делом, Северине было не до развлечений, она бы извелась от любопытства и думала об оставленной игрушке, а никак не о празднике. Зная в ней эту черту, брат и пытаться перестал, благо случа-

лось подобное нечасто. При всей любви к механике, девушка не забывала ради этого о еде и сне, что порой случалось с её наставником.

Упрямый Елисей проявил куда большую настойчивость и ходил к Северине нудеть о празднике каждый день, благо хватало ума делать это издалека, не лезть под руку работающей мастерице. Та скрипела зубами, но — терпела. А что с ним сделаешь? Царь наверняка с сыном поговорил, он очень выразительно кривился в ответ на вопросы о родителе, но тут разве что под замок сажать, иное не поможет. Клещом вцепился, как будто других девиц нет!

Сегодня обязательную повинность он уже отбыл, приходил вскоре после полудня и бормотал что-то о подарках и зверях, Северина не вслушивалась. Надеялась только, что наконец сможет спокойно поработать.

— Ну что, Дымок, попробуем завести? — спросила она у соседского кота, который стекал с подоконника и порой поглядывал на девушку жёлтым глазом.

Дымок, большой лохматый серый кот, порой искал у Северины политического убежища. Нрав зверь имел ленивый и вороватый, мышей не ловил, а вот как стянуть чего вкусенького у зазевавшейся бабы — так это всегда пожалуйста. Терпели его только за то, что с детьми ладил: у соседки было пятеро мал мала меньше, и у Дымка прекрасно выходило их убаюкивать. Забирался в колыбель, оглашал горницу басовитым урчанием, и хнычущий ребёнок моментом унимался.

К Горюновым он сбегал, когда услуги баюна не требовались, зато кто-то из старших детей начинал ловить «кису», заинтересовавшись пышным хвостом, или когда его опять застукали на воровстве. Сегодня был второй случай: через открытое окно светёлки Северина слышала ругань с соседского двора, Дымку явно перепало полотенцем, так что вскоре после скандала он возник на окне. А ей что? Кот делу не мешал.

И она коту не мешала. Сегодня по металлу работала только напильниками, небольшой визгливый станок помалкивал в углу, а это тихое шорканье не беспокоило чуткие уши.

«То — не знаю что» яснее не стало даже после того, как Северина целиком его разобрала. В нём не было сложных управляющих сетей, и вообще-то по своему устройству механизм лежал где-то между простыми часами и музыкальной шкатулкой. Что именно мастер нашептал на единственную нить — не угадать, но что-то сложное она делать точно не могла.

Пока Северина собирала, сверяясь с заметками, устройство, она больше задавалась другим вопросом: отчего у царя никто не попытался вскрыть игрушку и не заметил поломку? Всё же дураки редко получали звание Премудрых, и в царском окружении таких не было — Владимир их издали видел. Может, с назначением подарочка они бы не разобрались, но сломанные колёса точно заметили!

Выходило, что до Северины никто эту штуковину не раз-

бирал. А почему? Да потому, что никто такой задачи не ставил — очевидно же. Прошлый владелец о ней и думать забыл, а Владимир...

— Царь наш — тот ещё фрукт, — проворчала она. — Знал ведь, что я дуться долго буду, а прощения попросить — это ж надо Елисея урезонить. А он — нате! — выдумал способ, знал, чем купить. А вот возьму и не вернусь! Мне, может, на вольных хлебах раздольнее живётся... Ну как так можно с живыми людьми, а? Вот и я не знаю... ну вот вроде бы и всё, — решила она, оборвав бормотание. — Что, Дымок, попробуем послушать, что она там щёлкает?

— Северинушка, удели мне минутку! — оборвал её робкий голос.

Девушка устало закатила глаза и обернулась ко входу. Двери в Тридевятом царстве отродясь не запирали, разве что в богатых теремах да в царских палатах, тем более этим не вспоминала озаботиться Горюнова. Если мастерскую в светёлке она бы ещё подумала запереть, уходя, то сейчас...

— Елисей, я говорила уже — работаю! — проворчала Северина, но жалость подвела. — Что там у тебя, только быстро.

Елисей у царя уродился... никаким. Через минуту после расставания лица не вспомнишь! Волосы не густые и не жидкие, русые, худшего сорта — не прямые и не кудрявые, не волнами — а так, кривенькие. Лицом похож на Владимира, но у того ум в глазах и обаяние, а у меньшого сына полбе-

ды черты невыразительные, так ещё выражение козье, взгляд пустой, того и гляди — жвачку начнёт пережёвывать. Борода росла жидкая, клочками, так что он её сбрывал, и к лучшему. Ростом тоже не удался, худой, нескладный... Если бы он не преследовал Северину так настойчиво, она бы даже посочувствовала, что боги так небрежно сострипали. Ведь не сказать же, что совсем плохой — не злой, не подлый. Даже в этом никакой! Ну как не пожалеть?

— Вот! — оживился царевич и поставил на стол небольшую клетку.

— Это что за крыса? — растерялась Северина, разглядывая насупившегося зверька.

— Это диковинка из Трипятого царства, и не крыса вовсе, — с удовольствием объяснил Елисей. — Златобелка! Помесь обычной белки и одной зверушки из Второго колеса, грызлы.

— И зачем ты её приволок? — Девушка насторожённо покосилась на надувшийся меховой комок, который глядел в ответ с подозрением.

— В подарок! Они ручные совсем, ласковые очень. Ты животных любишь, Дымок же соседский, а так у тебя своя зверушка будет... Посмотри, какая славная! — он полез открывать клетку.

Северина о своей любви к животным слышала первый раз. Она переглянулась с котом, который сквозь ленивый прищур наблюдал за происходящим.

— Елисей, мне не нужна дома грызла! Одно только назва-

ние нехорошо о ней говорит, и даже обычная белка не нужна, не говоря уже о плоде их противоестественной любви...

— Да ты просто с ней ещё не познакомилась! — упрямый царевич уже вытряхнул золотистый меховой комок на ладонь и положил на стол. — Смотри, какая славная! Погладь её!

— Воздержусь, — насторожённо заверила девушка.

Зверёк был поменьше обычной белки, но зато хвост имел роскошный — оказалось, в него он до сих пор кутался, оттого и походил на шарик. А теперь... Хвост листовидный, вроде бобриноного по форме, но лохматый, лапки беличьи, зубы как будто острее, но белок Северина никогда не разглядывала.

Зверёк на столе принялся быстро осваиваться. Блестяшки не хватал, обнюхивал, фыркал и перебирался к следующей. При этом напрочь игнорировал Дымка, который на своём подоконнике замер и медленно-медленно, незаметно начал собираться в кучку. То, что ловить мышей он брезгал, ещё не значило, что не умел.

— Елисей, спасибо тебе, конечно, но верни лучше эту штуку хозяевам. Или отцу в зверинец отнеси, всё равно она именно там окажется... А мне работать надо!

— А ты уже разобралась с «тем — не знаю чем»? — сумел он найти повод для разговора. — А заведи его! Интересно же!

— Я бы предпочла сделать это в тишине, — прозрачно

намякнула Северина.

— Я буду молчать, — заверил незванный гость и закрыл ладонями рот.

— Ладно, леший с тобой, — смирилась девушка. Тем более смотрел он на заводную штуковину как будто с искренним интересом, а ей и без свидетеля пальцы жгло.

Маленький ключик повернулся без усилия раз, другой, третий. Коробочка, подумав пару мгновений, закрутила шестерёнками и действительно начала тихо пощёлкивать. Дымок на окне наострил уши, но больше никак не отреагировал. То ли дело — белка.

До этого момента она сидела и умильно умывалась, начищая тупоносую лохматую мордочку. Повороты ключа заставили её разве что приподнять вислые треугольные уши, но не отвлечься от важного дела.

Зато когда «то — не знаю что» защёлкало, зверька буквально подкинуло. Опустившись на четыре лапы, он встопорщился, распушил хвост, вздыбил шерсть и в ужасе устоялся на коробочку. Ни Северина, ни тем более Елисей не успели даже руку протянуть к зверю, когда тот с истеричным стрёкотом метнулся прочь со стола. Пущенной стрелой обогнув светёлку, что-то смахнув хвостом и уронив, дарёный зверь вылетел в окно, проскакав по опешившему от такой наглости коту, который едва не сверзился с подоконника.

Пронзительный визг подарка и грохот падающих предметов стих, и жидкая повисшая тишина показалась оглуши-

тельной. Хреновина на столе продолжала тихо стрекотать.

— Мра? — потрясённо уточнил кот.

— Сама не ожидала, — призналась Северина. — Ну, одно свойство этой штуки мы теперь знаем: она грызлей этих иноземных, прости Дажьбог, отпугивает. То есть как её... Златобелок. Что за дурное животное!

— Прости, — смущённо пробормотал Елисей, залившийся краской, и неловко сгрёб со стола клетку. — Пойду поищу. Жалко же, пропадёт!

Кот на подоконнике начал остервенело вылизываться — особенно там, где серую шубу осквернили чужие лапы. Он явно не возражал против пропажи чужака.

— Пойдём, помогу, — вздохнула Северина. — Один ты её до сварожьего пришествия будешь искать...

Елисей просиял. Девушка поняла, что с ответом погорячилась, но дурную зверушку и правда было жаль, тем более поверхностный взгляд показал, что вреда она особого не причинила. Так, уронила кое-что по мелочи. А царевич... Да он и так не отвяжется, какая разница?

Другого бы зверя вроде белки она бы и не подумала искать — это иголка в стоге сена, но яркая, блестящая золотом на солнце шёрстка грызлы горела издалека. Выглянув через голову Дымка, Северина высмотрела беглянку на ветке яблоньки в конце улицы.

Накинув лёгкий полушалок, чтобы прикрыть потрёпанную домашнюю рубашку, Северина решительно двинулась к

выходу как была босиком, даже в лапти ноги совать поленилась. По такой погоде весь город, не считая служилых людей, обувью пренебрегал.

— Что эта зараза ест?

— Говорили, как белка... Сыр вот ещё уважает. — Воодушевлённый Елисей следовал за ней по пятам, то и дело порываясь то ли под локоток взять, то ли за косу поймать.

Царевич был настолько неравнодушен к её косе, что Северина рассматривала даже кощунственный вариант её отрезать. Он был заметно падок на красивые длинные волосы, да и к ней прицепился как раз после какого-то праздника, где увидел простоволосой, с расплётённой косой ниже пояса. Но вдруг теперь это уже дело принципа? Жалко же красоту, а уж если ещё и не поможет — совсем беда.

Северьян постоянно поддразнивал за эти рассуждения, приговаривая, что внимание царевича льстит, а она только хвостом вертит и дразнит парня. На что сестра неизменно возражала, что она ему уже всё сказала, что могла, а если брат предлагает попробовать единственное оставшееся средство — протянуть Елисея гаечным ключом по хребту, — тот её ещё не настолько умучил, чтобы живого человека бить. Это для витязей обычное дело, царевич же, поди, рассыплется от такого обращения, а её царь в острог за это. Нет уж.

Имелся надёжный способ его отвадить: выйти замуж за другого, но пока сердце ни к кому не лежало, больше увлечённое железками.

На улице было пустынно и тихо, только лениво брехала через несколько дворов старая сварливая псина. Народ ушёл на капище к реке, там проходили гулянья, а в городе, кажется, и не осталось никого. К лучшему, некому белку спугнуть.

Пока шли вдоль улицы, Елисей сбивчиво и вдохновенно рассказывал, как и у кого он достал зверька и до чего тот хороший и сообразительный. Северина шагала молча и гадала: то ли умён зверёк только в словах купца, которые сейчас в меру своего косноязычия повторял царевич, а то ли напротив — быстро сообразил, что подальше от мастерской ему будет лучше. Неразрешимая дилемма: прямо-то не спросишь!

А ещё Елисей сказал, сколько заплатил за диковинку, — не хвастался, заболтался просто, — и в голове принялись сменять друг друга полезные вещи, которые можно выменять на златобелку. Получилось немало: стоила пакость столько, что из золота по весу вышло бы скромнее.

Ей-ей — хоть принимай подарок с возможностью последующего обмена. Но продавать шкуру непойманной белки было глупо, так что мечты пришлось отбросить. Да и не примет она всерьёз такого подарка, не стоило ещё больше обнадёживать Елисея. Дорого слишком, не петушок на палочке.

— Эй, цып-цып-цып! — позвала Северина, вглядываясь в листву яблони.

Росла та особняком, славилась красивущими, но до крайности мерзкими на вкус мелкими плодами и стояла тут толь-

ко для красоты и тени над скамейкой, занятой обычно старенькой хозяйкой ближнего дома и её подругами. Но сейчас даже они присоединились к общему веселью.

— Эй, грызла! Или как тебя там? Смотри, что у меня есть!
— Она протянула на ладони заветренный кусочек сыра. — Вкуснятина, а?

Была бы сама Северина белкой — в жизни не повелась бы на такой дар. А что делать — сыр-то кончился! Северьян к нему симпатии не питал, так что погрязшая в работе сестра не успела обновить запасы. Хорошо, этот-то огрызок нашёлся!

Белка тоже не спешила мчаться навстречу еде, но хоть удрать не пыталась — приметная шкурка мелькала в листве где-то возле макушки дерева.

— Эй, ты, зараза мелкая! — позвала ласковым голосом.
— Смотри, я к тебе сама лезу! И страшной штуки у меня нет...

— Северинушка, ну куда ты, давай я сам! — высунулся Елисей. — Расшибёшься!

— Сам расшибёшься? — ехидно откликнулась она. — Это без меня, мне потом царь... руки! — она от души шлёпнула по протянутой ладони. — Ещё под юбку мне заберись!

— Да я придержать хотел! — смутился царевич.

— Даже не сомневаюсь! — Северина прицелилась к яблоне, прикидывая, куда поставить ногу. Не то чтобы она постоянно лазала по деревьям, но в детстве с братом — часто.

Оставалось надеяться, что это как плавание — разучиться невозможно. — Ах ты ж пагуба! Я сыр уронила, посмотри, вон там, у ствола!

— Где? Не видать... — Елисей опустил на четвереньки.

— Да вот... — Северина осеклась, сообразив, что тишина над городом — совсем уж глухая, даже ветер смолк, а густая тень, то и дело набегающая, слишком плотная для облаков и слишком густая. — Ой, мамочки! — прошептала потрясённо, запрокинув голову.

Их было пять штук — огромные, ширококрылые, сверкающие на солнце белым металлом. Очерком походили на лебедей — длинные шеи, толстые тушки, — но летали достаточно низко, чтобы на поворотах было видно: не птицы это. Резкие углы лишённых перьев крыльев, больше похожих на складные, как у летучих мышей, только не кожей обтянутых, а чем-то блестящим, будто полированное серебро. И шеи короче, прямые, не гибкие, и головы нет — сходится палка в остриё, словно кол заточили.

— Как они, интересно, летают? — пробормотала Северина себе под нос, залюбовавшись и напрочь забыв о белке. — И ведь крыльями машут... А такая, поди, и человека поднимет?

— Вот, нашёл! — обрадованно выпрямился Елисей и гордо предъявил заляпанный песком кусок сыра. — А что?.. — Он с удивлением осмотрел зачарованно замершую девушку и тоже задрал голову. — Стрибоговы кони! — ахнул он. —

Северина, прячься! В дом идём!

Елисей схватил её за руку и потянул к ближайшей калитке. Со скамейки девушка прыгнула, но упёрлась.

— Да ну тебя... пусти! Да подумаешь, птицы железные! Я такую и сама соберу, — запальчиво заявила она. — Бумажные-то голуби летают, и эти вон тоже, значит, можно...

— Сеня, это гуси-лебеди! — Елисей опять перехватил девушку за локти и попытался тянуть к дому. — Белые лебеди!

— Ну похоже, конечно, но не настолько... Да пусти ты меня, вцепился! И я тебе не Сеня!

— Но... — он вдруг испуганно замер, так что девушка наконец сумела освободить руки: щуплый-то щуплый, а цепкий!

Ещё она успела обернуться — и выдохнуть:

— Ого!

Гуси-лебеди вблизи оказались куда больше, чем виделось снизу. И лапы у них были — огромные. Суставчатые железные лапы, похожие на человеческие руки. Они тисками сомкнулись на руках Северины, заставив вскрикнуть от неожиданности и боли, и дёрнули вверх, словно морковку из грядки. Холодный комок подскочил к горлу, сбив дыхание, и рухнул в живот.

— Северина-а-а! — вопль Елисея прозвучал где-то неожиданно близко, хотя должен был остаться внизу.

Надо было отвернуться, поискать царевича взглядом, тем более он продолжал голосить, но Северина зачарованно раз-

глядывала железную грудь птицы, устройство лап, близкие крылья. От серебристой туши дышало одновременно жаром и холодом, остро пахло металлом и маслом, а внутри серебристого брюха что-то шелестело и пощёлкивало.

Лапы больно давили и держали, казалось, ненадёжно, но испугаться по этому поводу девушка не успела: её вдруг бросило на железное горячее тело механического лебедя, до того находившееся над головой, в голове стало легко-легко, по спине хлестнуло ветром. Горизонт опрокинулся набок, и стало понятно, что они камнем несутся к земле, головой вниз.

Северина задохнулась от догнавшего её наконец ужаса, вцепилась в железные лапы, зажмурилась — и рухнула в темноту.

Глава 2. Там — не знаю где

Дажьбога — подателя ласкового солнца, тепла, созидательного огня и кварца — почитали особенно. Больше в Тринадцатом царстве, где располагались богатые залежи ценного минерала, но и в остальных государствах Третьего колеса начальника всех богов крепко уважали. Конечно, над ним ещё имелся Великий Механик, сам Сварог, но тот в незапамятные времена собрал мир и оставил детище на помощников, к нему бесполезно взывать, это все понимали. Толку его славить, коли не слышит?

Северьян витязем был до глубины души, даже в увлечениях, поэтому больше любил Ярилины гулянья, с кулачными боями и воинскими состязаниями, но огненные пляски середины лета тоже были ему по нраву. Пробежать босым по углям, вечером — через костёр прыгать, сквозь горящие кольца проскакать, не подпалив бороды, — тут тебе и удаль молодецкую показать можно, и посмеяться, и покуражиться. И с девицей какой-нибудь ласковой уединиться после — как такое не любить!

Правда, всё это для вящей красоты начиналось после захода солнца. С полудня тянулась обрядовая часть, где участвовали волхвы, старики и дети, днём все приносили идолам требы, а потом веселье понемногу разворачивалось. С бой-

кой музыки, с лихих танцев... Всё это Северьян тоже любил.
— Север, пляши! Север, иди к нам!

Залихватский посвист, и каблуки отбивают дробь по твёрдой сухой земле под звон балалаек и восторженное улюлюканье. А там и кувырком, и вприсядку, а потом ещё кто-то из девиц не удержится, и завихрится вокруг алый подол сарафана, открывая стройные ноги. Поймать тонкий стан, подхватить, закружить на весу — под радостный визг...

На изменение тона возгласов вокруг — с восторженного на испуганный, — Северьян отреагировал моментально. Выпустил девушку, с которой отплясывал, схватился за пояс, тщетно нашаривая рукоять меча, цепко огляделся вокруг.

Вблизи всё было обычно, но взгляды поднимались к небу, пальцы указывали куда-то в сторону города — отсюда, с другого берега реки, он отлично виделся. Трудно было не заметить огромных сверкающих птиц, кружащих над одним им ясным местом.

Северьян приставил ладонь ко лбу, вглядываясь. Предпринять что-то со своего места он не мог, но хоть рассмотреть и понять, что происходит!

Птицы немного покружили, потом три из них, одна за другой, пали вниз, к земле — и поднялись уже с ношей. Кого-то одна несла в лапах, другой человек вцепился в её хвост. Ненадолго, подросла ещё одна, перехватила поперёк туловища. В сравнении с человеческими фигурками летуны выглядели поистине огромными, размах крыльев — в пяток саже-

ней, не меньше.

— Гуси-лебеди, гуси-лебеди! — испуганной волной прокатилось по толпе.

Птицы двинулись прочь влево, забирая немного к капищу.

— А кто там ещё? Нешто царевич Елисей?!

— Сенька... — севшим голосом выдохнул Северьян, разглядев тёмную цветастую юбку и медную длинную косу.

Сердце оборвалось и рухнуло вниз.

К реке он скатился почти кубарем, с берега рыбкой вошёл в воду — как был, в сапогах и рубахе. Погрёб сажёнками, не замечая бойкого течения. Брод был в стороне, до обхода ли! На городской пригорок — взлетел, промчался по улице...

Изба встретила Северьяна тишиной. Он остановился, шумно дыша и озираясь в поисках... хоть чего-то! Лучше бы сестры и уверения, что огромные серебряные птицы с жуткой ношей почудились, но если нет — то хоть подсказок, что случилось.

На подоконнике возлежал ленивый соседский кот Дымок, равнодушный к судьбам людей, на столе поблёскивала знакомая коробочка — «то — не знаю что». Утром это была груда деталей, значит, Северина успела собрать. И завести?..

Сбежав по крутой лестнице из светёлки в избу, Северьян снова выскочил на двор, огляделся — здесь тоже всё было обычно. А вот с улицы доносились голоса.

Они там и до того звучали, но оглушённый страхом за

сестру витязь ничего не видел и не слышал, теперь — вышел посмотреть. Не удивился, увидев пару знакомых дружинников — те сегодня были в карауле, несли стражу в городе.

— Север! Глянь, — окликнул Ворон, хорошо знавший обоих Горюновых, и протянул знакомый полушалок. — Северины, кажись, вещица?

— Что здесь случилось?! — медленно кивнув, Северьян забрал цветастую тряпку.

— Да боги знают, — вздохнул он. — Мы уж подоспели, когда эти твари улетели. Северину, царевича Елисея уволокли... Что царю докладывать? — он потерянно качнул головой.

Судя по тому, что видел Горюнов, Елисей сам уволокся. Не иначе — погеройствоваться решил, девушку спасти. Порыв-то благородный, да только нашёл же время!

— Я с тобой, — решил Северьян.

— Ты бы хоть переоделся, — укорил Ворон, не споря.

Только теперь мужчина заметил, что с него капает речная вода, в сапогах хлюпает, борода всклокочена — вид тот ещё. Самое оно для царских палат.

— Погоди, я быстро.

Северьян собрался в палаты вовсе не от чрезмерного служебного рвения, дружинники и без него бы разобрались. Но — какая-никакая цель, дававшая иллюзию, будто он занят решением проблемы.

За сестру он был готов любого порвать на лоскуты. Сызма-

ла привык её опекать и защищать — острая на язык девчонка нередко нарывалась на неприятности, а у него с детства были крепкие кулаки и готовность пустить их в ход в случае угрозы. Сейчас больше приходилось гонять слишком навязчивых ухажёров — сестра расцвела и похорошела, и Елисей из непонятливых был самым смирным, находились наглецы, которых приходилось учить.

Северьян стал сотником не за красивые глаза и весёлый нрав. Отметили его, когда со своим десятком выследил и вывел жестоких и неуловимых разбойников, лютовавших на Южном тракте, да и потом отличался не раз — и смекалкой, и доблестью. Ни дураком, ни трусом его бы никто не назвал, не покривив душой.

Только проку от этого всего сейчас — никакого. Северьян ощущал растерянную пустоту. Враг есть, с сестрой беда, надо спасать, но... кто, где? Как её искать? Куда эти гуси-лебеди полетели, для чего им Сенька понадобилась? В голову лезли сплошь нелепые сказочные глупости про то, что нужно идти туда — не знаю куда, куда глаза глядят, износить по дороге три пары лаптей железных...

Бабкины сказки. Но как иначе, если гуси-лебеди, уносящие сестрицу, родом из тех же баек?!

Царь выслушал рассказ хмуро, но сдержанно: по его лицу всегда было непонятно, что на уме. На служилых ожидаемо ругаться не стал, не таков он человек, отпустил с миром, а вот Северьяну кивнул задержаться.

— Ты-то, Север, что думаешь о пропаже сестры? Что Елисей случайно с ними увязался — это ясно, а она-то зачем могла понадобиться?

— Думаю, связано это с «тем — не знаю чем», — признался он. — Северина там полонку нашла, чинила всё это время, а тут я в дом после её пропажи заглянул — вещица собрана. Починила, видать завести попробовала. Чего её потом на улицу понесло? Не дома ведь схватили!

— Да уж наверняка, — пробормотал царь, ещё больше потемнев лицом.

— Царь-батюшка, ты, никак, знаешь об этом что-то? — нахмурился витязь.

— Я вообще много чего знаю, — ворчливо откликнулся Владимир. — Да что уж теперь скрывать, пожалуй, только тебе сестру с царевичем и выручать, — усмехнулся он, грустно и как-то недобро.

— Я вроде и согласен, но... Не томи, богами прошу!

— Не божись, пригодится ещё. Ты про Кощея что знаешь?

— Ну... Все мы сказки в детстве слушали, — отозвался Северьян осторожно, с подозрением. — Или то не сказки были?

— Да как знать. Одно я тебе точно могу сказать: Кощей — не выдумка, а гуси-лебеди — его слуги.

— Бабы-Яги же...

— Про ту ничего точно не знаю, а вот о Кошее сведения надёжные, записи предков. В былые времена он больше ку-

ролесил — и моры насылал, и землетрясения устраивал, и пожары, а с годами всё это его вредительство сошло на нет. Одно теперь осталось, известное доподлинно: девиц ворует. Порой даже, говорят, возвращает, притом как в сказке — с приданым. Уж зачем ему девицы нужны — этого никто не знает, потому что возвращаются без памяти и внятно объяснить, где были, не могут. Вроде без приплода, но сам понимаешь, иную причину, на кой они ему понадобились, придумать сложно. Хоть он и Кощей, но мужик всё-таки.

— А где этого Кощея искать, твои предки говорят? — выцедил Северьян.

— Не скрипи на меня зубами, — недовольно зыркнул царь. — Самому поганю. Северина ему хоть живой нужна, а сын мой без надобности.

— Прости, царь-батюшка, о сестре тревожусь, оттого язык мелет, — искренне повинился он. — Учитывая Северину, боги знают, что она отчебучит, украденная! А Кощей, если сказки о нём не врут, такого не спустит... Елисею я зла не желаю, знаешь же.

— Знаю. Не сержусь. Тут, Север, дело такое выходит, что на тебя вся надежда. Я и не знаю, кого ещё из витязей отрядить можно. Храбрые все, да тут не с людьми воевать и даже не с дикими зверями, а ты, знаю, ради сестры и Кощея не испугаешься. Потому дам тебе одну вещицу, что у меня в роду уже, почитай, семь веков хранится. Рассказывают, украл Кощей как-то царскую дочь, за ней женихи отправились. Один

спас, женился на ней и сам царём стал. Предок мой. Идём.

— Что за вещица?

— Сказочная, — развёл руками царь. — А как ещё найти дорогу туда — не знаю куда, где Кощей живёт?

— С помощью того — не знаю чего?

— Да пёс его знает, может, и оно так работает. Ты эту хреновину тоже прихвати, авось и она пригодится. А я другую путеводную штуку дам.

Мысль соответствующая у Северьяна мелькнула, но он не ждал всерьёз, что ценная вещица окажется почти настоящим клубочком. Прихотливо намотанная толстая проволока, по виду латунная, конца не имела, но изнутри клубка торчал короткий хвостик из других проволочек, куда более тонких и туго сплетённых в жгут.

— Заводится он просто, надо вот за этот хвост дёрнуть. Скажи, куда тебя привести, заводи да бросай на землю.

— А работает?

— В теории, — проворчал царь. — Думаешь, я им пользовался хоть раз? Дадут боги, он вообще рабочий! Смотри не поломай, оторвёшь шнур — без проводника останешься. И не спеши, налегке пойдёшь, что ли, на ночь глядя? Утро вечера мудренее, витязь.

Северьян сумрачно кивнул. Как бы ни хотелось мчаться за сестрой прямо сейчас, а по лесам скакать в потёмках — дело гиблое. Шею не свернёшь — так клубок упустишь.

Проснувшись, Северина первым делом подивилась необычному сну, который видела: надо же, гуси-лебеди, да ещё механические, которые её похитили! Вот что значит — глубоко нырнула в омут работы.

Сначала насторожила тишина — такой не бывает в городе днём. А ведь уже день, если она так хорошо выспалась. И запах. Чужой, непонятный запах.

Открыв глаза, Северина, не шевелясь, огляделась. Спальня вокруг точно не была её собственной и не походила ни на что знакомое. Тёмно-зелёные гладкие стены, частично закрытые блестящими металлическими панелями на крупных заклёпках — красномедными, начищенными. Для чего они тут — непонятно, но выглядело красиво.

Девушка села на широкой постели, чтобы оглядеться внимательнее. Комната просторная, с горницу дома, но почти пустая. Кровать широченная и посреди комнаты, только изголовьем к стене. С одной стороны низкий широкий шкафчик с ящиками, с другой — дверь и рядом красивый расписной столик с зеркалом. Низкий стульчик с мягкой подушкой перед ним — как игрушка резная. Со стороны изножья нашлась ещё одна дверь, тоже закрытая.

Ни одного окна при этом, хуже, чем в темнице, и отчего кругом так ясно — непонятно, светильников Северина не нашла. Немного покрутив головой, поняла, что дело обстоит ещё более странно, чем показалось в первый момент: прямо перед глазами всё видно, а на краю зрения — меркнет.

Неприятно.

Постель была хорошая, чистая, тонкого полотна, и лежала на ней девушка в собственной рубашке. Спустила босые ноги с кровати — пол тёплый, словно солнцем нагрет. Выложенный большими квадратами разных тёмных оттенков — бурого, серого, синего, — он оказался очень приятным на ощупь.

Если она тут гостя — отчего света белого в горнице не видно, если пленница — уж слишком комната роскошная! Впрочем, уважаемых пленников цари нередко держали в нарядных покоях по несколько комнат, может и здесь так?

Дверь вдруг бесшумно открылась, и Северина дёрнулась от неожиданности, заозиралась в поисках оружия. Кроме стульчика, ничего на глаза не попало, а там стало ясно, что воевать не с кем: в комнату шагнула обыкновенная, совсем не жуткого вида девица. Даже напротив, очень красивая: пшеничная коса не хуже, чем у Северины, глаза большущие и голубые, губы полные — на такую парни должны заглядываться. Одета тоже обыкновенно: рубаха да синий сарафан.

— Здравствуй, — улыбнулась она приветливо. — Хозяин сказал, ты проснулась уже, велел одежду принести. Твою юбку я отмыть не сумела, да и рубашку гуси заляпали, смазка у них больно едкая. Вот погляди, тебе должно подойти. Идём, покажу ещё, как отмыться...

— Постой, постой! А ты-то кто такая? И что за хозяин?

— Я Василиса, а хозяин... он тебе сам лучше всё расскажет, — улыбка стала вымученной, смущённой. — Я тут по хозяйству только, ничего не знаю.

— Просто Василиса? — недоверчиво уточнила Северина.
— Не ведьма какая-то?

— Просто Василиса, — пожала плечами красавица. — Сорок седьмая.

— А где остальные сорок шесть? — опешила она.

— Не знаю, я тут одна, сколько себя помню. И хозяин. Идём, его расспросишь.

— Ладно, — решительно кивнула гостя — считать себя таковой было приятнее, несмотря на странный способ приглашения. — Я Северина, кстати. Показывай, что тут как!

За другой дверью обнаружилась мыльня. Вода наливалась в большую каменную бадью, дырка в которой затыкалась обычной пробкой. Похожую диковину Горюнова видела в царских палатах, её полвека назад один умелец собрал, и вода туда почти так же нагонялась, как здесь. Правда, видеть-то она видела, даже знала, как работает, да кто же ей воспользоваться в своё удовольствие даст?

Вот и здесь тоже. Кем бы хозяин ни был, заставлять его долго ждать — глупо. Северина со своим царём могла себе такое позволить, и то не всерьёз и редко, а тут... Боги знают, насколько этот человек сердитый! Пока обращался он гостеприимно, не хотелось за просто так всё испортить.

— А что с Елисеем? Парнем, которого со мной похитили.

— Спит, наверное, — повела плечами Василиса. — Если твой жених будет вести себя хорошо...

— Не жених! — поспешила отчураться Северина. — Знакомец просто, обычно смирный. А зачем он-то твоему хозяйину?

Что царевича не убили — хорошая новость, но откровенничать о нём девушка не спешила. Сперва надо разобраться, где она и для чего, а потом уже решать, рассказывать о родне или нет Елисея.

— Так он же сам себя украл. Я видела, хозяин разрешает за Колёсами наблюдать. Елисей этот тебя отбить пытался, я и подумала — жених...

— Что на него нашло? — пробормотала Северина. Полбеды — что нашло, главное, чтобы сейчас геройствовать не стал! Думается, с тем, кто гусями-лебедями повелевает, шутки плохи. И тут она ещё за одно слово уцепилась, мигом забыв о царевиче: — Ты говоришь — Колёсами. За всеми пятью?!

— Да, за всеми. А почему нет?

— Знать бы, кто этот умелец, что такую тарелочку сотворил! — не без зависти проговорила себе под нос Горюнова.

— Тарелочку?

— Ну, через что ты за Колёсами смотришь? Тарелочка.

— У хозяина зеркало, — возразила Василиса.

— Идём знакомиться с хозяином!

За время разговора она успела обмыться приятно тёплой

водой, обтереться и натянуть свежую рубашку. Едва не помчалась смотреть на чудесное зеркало прямо так, хорошо, Василиса успела перехватить и всучить сарафан.

Когда они двинулись прочь, Северина обратила внимание на ещё одну мелочь, которую поначалу не заметила: если дверь в уборную была почти обыкновенной, не считая медного вида, то на второй отсутствовала ручка. Когда Василиса коснулась её ладонью, внутри что-то щёлкнуло и коротко стрекотнуло — открылся хитрый замок.

«Всё же пленница», — решила Горюнова и постаралась собраться. Всеведущее сказочное зеркало — вроде того, через которое боги наблюдали за людьми, — жутко интересно увидеть, но не хотелось, чтобы это было последнее впечатление в жизни. Да, пока не похоже, что её собираются убить, но всё же! И домой бы хотелось вернуться, Северьян там с ума сходит...

Ох, вот кто точно дров наломает, так это брат! Лишь бы её отпустили до того, как он примчится спасать. А он ведь примчится, тут и гадать нечего, где бы она ни находилась — из-под земли вынет. Если сам не сгинет по дороге, сохрани его Ярила и дай дорогу Стрибог!

Дверь вывела в большой сводчатый коридор, утопающий в сумраке: странного свойства видеть без света то, на что смотришь, хватало всего на несколько саженей вперёд. Жуткое ощущение, и если бы не спокойствие проводницы, Северина бы здорово струхнула. Ей и сейчас-то было не по себе.

Из коридора они свернули в высокие двустворчатые двери и шагнули в огромный пустой зал неясного назначения, следом прошли в ещё один — ещё больше и оттого кажущийся темнее, но захламлённый неведомыми грудями, прикрытыми серыми полотнищами.

— А здесь что? — Собственный голос, гулко раскатившийся под сводами и прилетевший дробью осколков со всех сторон, заставил испуганно шарахнуться

— Не знаю, — отозвалась Василиса, которую жуткое эхо пощадило. — Что-то железное. Это надо у хозяина спрашивать.

— И что, во всех этих громадных палатах одна ты с уборкой управляешься?! — Северина постаралась говорить тише, и эхо в этот раз прокатилось лёгким шорохом, не напугав.

— Здесь нет пыли, так что и убираться не надо. Приготовить еду — невелик труд, а хозяин ест мало. Стирается всё само собой, есть у него устройство хорошее, сохнет там же, гладить не надо. Починить вот или пошить взамен истрепавшегося, но тоже нечасто. Поговорить только не с кем, уж прости меня, если вдруг что не то ляпну с отвычки.

— А хозяин с тобой не разговаривает?

— Хозяин мало разговаривает.

Рассматривая огромные залы, убранные узорчатыми каменьями и кое-где даже золотом, все — без единого окна, тёмные, даже несмотря на самоцветы, мрачные и хмурые,

Северина приготовилась увидеть злого колдуна. Сколько их в детских сказках было! И сидеть он должен был в самом большом и тёмном зале, на троне уж если не из черепов, то из мечей поверженных воинов.

Тем неожиданнее оказалось, что путь завершился не в тронном зале, а в сравнительно небольшой комнате. На стенах висели огромные овальные зеркала — аршин в ширину, зато в высоту добрых две сажени, от пола до потолка, и отражали они не комнату и даже не пейзажи Пяти Колёс. Это был взгляд изнутри на какие-то механизмы неведомого назначения, и плотно уложенные шестерёнки крутились в монотонном беге. Не понять, то ли они в действительности были такими огромными, то ли зеркала увеличивали. Картинки сменяли друг друга без видимого порядка.

Посреди комнаты стоял большой стол в форме надкушенного бублика, не то заваленный железками и обломками механизмов, не то они торчали прямо из его поверхности. Возле него имелось несколько странных стульев на маленьких колёсиках, и Северина задумалась, а не нужна ли ей такая интересная штукавина домой?

Дальнюю стену занимал очень сложный и непонятный узор — не то лоскутное одеяло, не то кто-то прихотливо разбрызгал цветные краски. От взгляда на эту мешанину закружилась голова, поэтому девушка поспешила отвести глаза. Перед цветной стеной стоял на высоком одноногом узорчатом столике невероятной красоты резной каменный ларец —

единственная вещь, которая имела привычный и понятный облик и оттого казалась здесь чужой.

А хозяин всего этого, поднявшийся из-за стола при появлении девушек...

На чёрного колдуна он походил если только цветом одежды, худобой да бледной кожей, но это и немудрено, если он здесь живёт и света белого не видит. Одежда странная, ни на что не похожая. Совсем узкие, тесные на вид штаны, заправленные в сапоги несерьёзного, женского вида — тонкие, мягкие, до середины голени, на частой шнуровке. Узкую чёрную рубашку без рукавов утягивала на талии шнуровка с обеих сторон, а прямой воротник-стойка казался жёстким. Высокому, костистому, жилистому мужчине такой странный наряд был неожиданно к лицу. Как и странная крупная серьга в левом ухе — разлапистая, шипастая, с черепами.

Ещё мужчина этот был без бороды, огненно-рыжим со странным металлическим отблеском, подстриженным коротко и неровно — с одной стороны висок выбрит, с другой слегка оброс. На безволосой части блестела латунная пластина — украшение, что ли.

Не бывают тёмные колдуны рыжими, да ещё такими. И настолько ярких, что почти светящихся синих глаз у них не бывает. Вот разве что постное выражение лица его могло бы подойти сказочному злодею, но и то вряд ли: тому стоило зловеще хмуриться или ухмыляться.

А самое главное, за что Северина зацепилась взглядом

и буквально прикипела, — его правая рука. Рука эта была {механической}, но двигалась столь непринуждённо, словно сам мужчина этого и не замечал. Он поднялся, подошёл, скрестил руки на груди... Сквозь металлический скелет ладони просвечивал окружающий мир, маленькие латунные «косточки» шевелились с едва уловимым пощёлкиванием, ходили шатуны.

— Спасибо, Василиса, можешь идти, — велел хозяин сипловатым ровным голосом. Та коротко поклонилась и, не поднимая на хозяина взгляда, выскользнула прочь, а Северина подобралась и заставила себя отвести взгляд от необычной руки.

— К тебе, Василиса, у меня есть дело... — заговорил рыжий.

— Я не Василиса, — не утерпела девушка. — Я Северина.

— Неважно, — едва заметно поморщился он. — Ты нужна мне как хороший механик...

— А кому — тебе? — снова не сдержалась она. — Кто ты? И почему ты думаешь, что я подойду?

— Я? — Он растерялся, даже постное лицо утратило неподвижность — вопросительно поднялись густые рыжие брови. — Я Кощей Бессмертный.

— Да ладно заливать! — присвистнула Северина, окинув его новым взглядом. — Кощей? Рыжий?! А скелеты где? А жуткое одеяние? А корона? А трон? И как ты вообще можешь быть Бессмертным?!

Выражение лица мужчины стало сложным и, кажется, неуверенным, он тоже огляделся, когда девушка выразительно развела руками.

— Так получилось, — ответил наконец.

— И что, вот тот самый Кощей? Ты правда насылал моря и землетрясения?

— Это было необходимо, — вновь едва уловимо поморщился он.

— Кому? — нахмурилась Северина. — И почему — было? Если у тебя что-то сломалось, чем ты эти ужасы устраивал, то так и знай — чинить не стану! Можешь меня тут и убить. Или в камень обратить. Что ты там с красными девицами делаешь?!

Он пару мгновений помолчал, ожидая, закончила она говорить или продолжит, и, когда понял, что гостя ждёт ответа, сказал:

— Всё уже починилось. И дело это касается только меня.

— Если ты тот самый Кощей, то с чего бы мне тебе помогать? — Северина тоже скрестила руки на груди.

Почему-то этот полумеханический человек совсем не казался ни страшным, ни грозным, даром что возвышался над ней на добрую голову. Ну не мог он быть тем жутким чудовищем, которое называли сыном Карачуна и воплощённым злом! Рыжий же, как так?!

— Василиса, мне...

— Не Василиса я, а Северина! Неужели трудно запом-

нить?

— Не знаю. А зачем?

Девушка обескураженно хлопнула глазами.

— Потому что я не Василиса! А если я тебя Иваном называть буду, тебе понравится?!

— Мне всё равно. Иди за мной, — велел он, развернулся и двинулся к пёстрой стене.

Если бы он начал что-то доказывать и убеждать, Северина из одного только упрямства продолжала бы спор, а так любопытство подстегнуло, и следующий вопрос она задавала, уже пристроившись рядом с ним:

— Почему ты не хочешь запомнить имя, но можешь запомнить номер? Василиса же поэтому сорок седьмая?

— Цифры удобнее и понятней, — пояснил Кощей. — В именах меньше смысла. И технически она триста сорок седьмая. Смотри.

Он нажал на какие-то точки ларца, тот раскрылся цветком — и обнажил золотую подставку.

— Ты вот это сейчас серьёзно? — недоверчиво уточнила Северина.

На подставке лежало прозрачное яйцо. Небольшое, с мелкое куриное, оно тускло поблёскивало, и девушка готова была поклясться, что это не кусок стекла, а белый, чистейший кварц, из какого делали сердечники для механизмов, разве что таких крупных и идеально ровных она никогда не встречала. Приглядевшись, девушка заметила, что внутри что-то

поблѣскивает. Неужто иголка?

— Можешь взять, — разрешил Кощей, заложив руки за спину.

— И в чём подвох? — с сомнением поглядела на него Северина. — Я окаменею?

— Это было бы слишком расточительно — отправлять за тобой гусей-лебедей, а потом просто превратить в камень.

Довод оказался убедительным, любопытство — сильным, а яйцо — самым обыкновенным на ощупь. Прохладный и гладкий кусок камня, бережно отполированного. И иголка внутри была — толстая, серебряная, без ушка, но с заметным утолщением там, где оно должно быть. И отверстие, если приглядеться, удавалось рассмотреть, но не поперёк иглы, а вдоль, в тупом торце.

— А если я его сейчас разобью и тебя убью? — с ещё большим подозрением спросила девушка.

— Попробуй, — великодушно разрешил хозяин. — Но осторожнее, не повреди зеркала.

Внимательно следя за лицом мужчины, Северина разжала руку. Он проводил яйцо задумчивым взглядом, не дрогнув и не попытавшись поймать. Камень глухо стукнул, невысоко подпрыгнул и покатился. Ругнувшись, девушка помчалась догонять ценный предмет — под всё таким же спокойным и равнодушным взглядом Кощея.

Яйцо далось в руки, отскочив перед этим от стены. На чистом гладком камне не появилось ни царапинки.

— Это что, обманка какая-то? Ты всех проверяешь на дружелюбное расположение, а настоящее где-то припрятано? — проворчала она недовольно.

— Скорее всего, подлинник, — возразил Кощей. — Я не могу его коснуться.

Прежде чем Северина успела уточнить, что имеется в виду, её ладонь с лежащим на ней яйцом накрыла мужская — и прошла сквозь увесистый, прохладный, отчётливо осязаемый камень. Было очень странно одновременно чувствовать вес и гладкость яйца и тепло чужой твёрдой ладони.

— Со второй то же самое, — предупредил он дальнейшие расспросы, для наглядности поводит металлическими пальцами сквозь камень. — Если в меня им кинуться, результат будет тот же. Его нельзя расплавить, разбить, заморозить. Пробовали.

— Кто? — пробормотала Северина и, от греха подальше, вернула яйцо на подставку.

— Те, кто был до тебя.

— Другие сорок шесть Василис? — ехидно уточнила она. — Триста. Триста сорок шесть.

— Нет. Те Василисы — для приготовления еды и поддержания порядка, — возразил он. — Механики. Правда, ты первая женщина, остальные были мужчинами.

— Иванами? — ещё более едко спросила девушка.

— Четверо, — он кивнул. — Яйцо нашёл третий, но дальше не продвинулся

— И что с ними стало? — опасливо спросила Северина.

— С теми, кто не справился.

— Полагаю, они умерли, но я не следил за их судьбой.

— Не следил... То есть не ты их убил? — не поверила она.

— Я вернул их обратно. Предваряя твой следующий вопрос, так же как и всех предыдущих Василис.

— Ну ничего себе! Больше трёх сотен помощниц по хозяйству, и при этом никто там, на Колёсах, не знает, что тут у тебя происходит?! Ни за что не поверю, что они промолчали!

— Василисы не помнят своего прошлого, когда приходят сюда, и не запоминают, что происходило здесь, — всё с тем же бесстрастным спокойствием пояснил Кощей.

— Но я же помню!

— Первые два механика без памяти ничего не смогли сделать, пришлось пересмотреть идею и отправлять за следующими гусей-лебедей. Мне нужен хороший мастер, а значит — в полном сознании.

— И почему ты думаешь, что я хороший мастер? — ревниво сощурилась Северина. — То есть я, конечно, очень хороший, но тебе-то откуда знать?

— Ты разобралась с головоломкой. Кажется, вы называете эти вещицы «то — не знаю что».

— Я с ней разобралась? — тупо переспросила девушка.

— И-и... Что она делает?

— Ты сказала, без этого бы не сработало оповещение.

— Я сказала? — медленно повторила она. — А что я ска-

зала?

— Это приспособление отпугивает грызел, — пояснил Кощей. — Для населения Второго колеса эти существа представляют проблему. Вредители.

— О-бал-деть... И кто же это бесценное устройство изобрёл? Пользуется популярностью?

— Это неважно. Суть в том, чтобы разобраться с нетривиальной задачей. Проверка умений и пригодности.

— Ладно. Может быть. И что ты от меня хочешь как от механика? — решила она задать самый важный вопрос.

— Поскольку я сам не могу прикасаться к этой вещи, мне нужен кто-то, способный её использовать, — он указал на загадочно поблёскивающее в ларце яйцо. — Если верить инструкции, в руках заинтересованного лица должно сработать.

— Сработать... Подожди. Но если ты — Кощей и тут — твоя смерть... Ты что, хочешь, чтобы я тебя убила?!

— Верно. Это ведь не противоречит твоим убеждениям?

Лицо у него в этот момент оставалось постным и невыразительным, так что ирония в словах наверняка почудилась.

Глава 3. Красна девица

Северина искренне гордилась тем, что быстро смогла уболтать Кощея называть её правильным именем. Эмоции он в расчёт не брал, но удалось зайти с другой стороны. Если Василисы — по хозяйству, а она — нет, то можно запутаться, если называть их одинаково. Этому аргументу воплощённое зло вняло, а Горюнова воодушевилась маленькой, но честной победой. Ещё она сумела поверить обещанию Кощея отпустить её домой независимо от результата. Считать себя приглашённым мастером, а не заложницей было гораздо приятнее для самолюбия и полезнее для самообладания.

А всё остальное не укладывалось в голове, потому что Кощей слишком не походил на собственный сказочный образ — во всём, начиная от облика и заканчивая мотивами, и Северина быстро перестала подозревать его во вранье и притворстве: ему такое явно не требовалось.

Вот этот бесстрастный полумеханический тип — один из самых страшных сказочных персонажей? Да ну нет!

Северина не верила и испытывала жгучее любопытство, но лишние вопросы пока держала при себе. В обществе Кощея она немного освоилась, но не настолько. Стоило понаблюдать, осмотреться и только после этого лезть в его голову, а пока можно и о деле поговорить.

Они перебрались в просторную, прекрасно оборудованную мастерскую. Здесь лежал полуразобранный гусь-лебедь, громоздились ряды полок с инструментом и россыпями деталей, стояло три верстака — два чисто прибранных и один, ближний к механической птице, заваленный её частями и инструментом. Сложнее всего Северине оказалось подавить зависть: она, конечно, талантливый мастер, признанный, уже Премудрая и даже с царём накоротке, но такого простора и богатого оснащения она себе позволить не могла. Или пришлось бы делить его с кем-нибудь, а это хуже маленькой, но своей мастерской.

Ларец вместе со столиком, которые Кощей тащил, не чувствуя веса, водрузился в углу, а хозяин с гостьей заняли пару свободных стульев у пустого верстака.

Обсуждение задачи началось с рассказа о том, что успели перепробовать предшественники, и Северина дивилась и ужасалась людскому воображению. Попытались уничтожить яйцо, до его нахождения — пытались повредить самого Кощея, но только подтвердили его бессмертие. Орудие либо не могло проткнуть даже кожу — либо проходило сквозь него, как всё то же яйцо.

— Последний Иван предположил — на основе инструкции — что, кроме яйца, должно быть что-то ещё, но он не преуспел в поисках, сильно пострадал и ослеп, и я был вынужден отправить его домой.

— Ослеп... Неужели Горазд Премудрый? — изумилась

Северина. — Правда он?!

— Не знаю, я не запоминал его имя.

— Нет, точно он, всё сходится! Он отправился в странствия, вернулся слепым, никогда не рассказывал никому, где был, но привёз много золота и идей, свою школу основал... Правда, было это почти сто лет назад. Неужели за это время больше никто не разгадал твою головоломку? Может, чего попроще задумать в следующий раз?!

— Повода для спешки нет.

— Но ты всё равно хочешь умереть. — Северина ухватилась за интересную тему. — Если тебе надоело жить, неужели каждый новый день не тяготит?

— Уходя, Создатель пообещал вернуться, когда во мне отпадёт надобность, и завершить начатое, либо послать кого-то, кто сумеет сделать это за него. Уже больше четырёхсот лет надобность во мне не возникала, вероятно, уже и не возникнет. Создатель по какой-то причине не вернулся, следовательно, закончить его последнее дело — мой долг.

Северина несколько мгновений недоверчиво смотрела на него, пытаясь осознать сказанное.

— Неужели ты не хочешь жить? — спросила она.

— Я этого не умею, — спокойно возразил он. — Живёт то, что включено во временной поток, мы сейчас находимся за его пределами. Я всегда нахожусь за его пределами и не имею собственного времени.

— Но гусей-лебедей при этом ремонтируешь сам, — Се-

верина мотнула головой, — и управляешь ими. Как так?

— Они — творения Создателя, и время в них закладывал именно он. Я только заменяю некоторые приходящие в негодность мелочи. Они не заводятся, в них встроены отдельные двигатели, собранные Создателем и не знающие сбоев.

Это откровение оказалось ещё более неожиданным, но... пожалуй, оно единственное могло объяснить бессмертие. То, что не живёт, и умереть не может.

Существование вне потока...

За день на всех колёсах субъективного времени проходит одинаково, вот только плотность у него разная. Всё живое имеет своё собственное, отмеренное при рождении, время, которое либо синхронизировано с окружением, либо — отторгается им. Отсюда и невозможность задержаться на другом Колесе надолго. Для земляков Северины время пребывания ограничено семью сутками на ближайшем и тремя — на дальнем. А выходцу с Пятого колеса и вовсе невозможно пробыть на Первом больше трёх часов. Один, три и семь — три простых числа, на которых построен мир, их ещё называли волшебными.

Меньше подвержены течению времени неживые предметы, что помогало пусть не обильной, но постоянной торговле с ближайшими соседями. С растениями всё складывалось неоднозначно: иные плоды пропадали через указанный срок, если их не успевали съесть или переработать, но некоторые

приживались. Металлические деревья Третьего колеса к их числу не относились, но на Четвёртом не оставляли надежды укоренить эти ценные породы. Работал и тот фокус, который провернули в Трипятом царстве с грызлами: их потомство, совместное с местными белками, вполне могло жить на Третьем колесе. Ходили слухи о детях, рождённых от пришельцев со Второго или Пятого колеса, но кто знает, насколько правдивые!

Странности со временем начинались и в дальней дороге. Издавна замечали, что в пути время течёт куда медленнее, а некоторые даже уверяли, что оно почти вовсе не движется. Проверить это было трудно, и Северина в подобное не верила.

Но что, если при некоторых обстоятельствах обычный человек может выпасть из потока? В дороге подобное едва ли возможно, но вдруг в мире существуют такие места?..

— Мы что, находимся на Оси мира? — наконец сумела Северина озвучить пугающее предположение.

— Внутри неё, — буднично ответил Кощей, словно не говорил о легендарном месте из сказок, куда был доступ только богам, а о соседней улице.

— И что, где-то здесь живут боги? — тревожно спросила Северина, зачем-то обернувшись.

— Я ни одного не встречал.

Сразу появилась ещё целая куча вопросов, но девушка заставила себя вернуться к главному.

— Так, ладно, а на инструкцию можно взглянуть?

— Да, сейчас. Это одна из копий.

Далеко Кощей не пошёл, с одной из полок достал большую книжку в тиснёном переплёте и протянул Северине. Та открыла фолиант, с опаской переворачивая плотные, толстые страницы, явно от руки исписанные архаичным, сложным и затейливым шрифтом. Понадобилось усилие, чтобы вчитаться, а потом ещё несколько попыток, чтобы принять, что написанное понято правильно.

— Ты точно издеваешься. Это — инструкция?!

— Другой нет.

— Но это сказка! Сказка про Кощея Бессмертного и Ивана-царевича, который за его смертью на остров Буян ездил! Вот это — инструкция?! Игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце... — она запнулась.

— Да. Заяц в ларце, ларец — на дубе на острове Буяне, — за неё закончил Кощей.

— Заяц не в ларце, заяц в ужасе! И я тоже, — пробормотала Северина, потёрла ладонями лицо. — Убери это, богами прошу! А ты можешь рассказать про своего создателя? — вскинулась она, ухватившись за куда более толковую мысль. — Он ничего про это не говорил?

— Я... не помню, — слегка нахмурился Кощей, но это было самое заметное проявление им чувств за время знакомства. — Он оставил меня следить за механизмом и пообещал скоро вернуться, — всё так же хмурясь, рассеянно прогово-

рил Кощей. Неправдоподобно яркие синие глаза расфокусированно глядели куда-то за плечо Северины, и от выражения его лица стало не по себе. — Но не вернулся.

— А инструкция?

— Её нашёл второй Иван. Яйцо отыскиали в сокровищнице одного из царей Третьего колеса, но остальных частей там не было. Вряд ли имеются в виду настоящие животные. Предположительно, это иносказательные названия частей стопора, который должен остановить мой движитель, заведённый Создателем. — Кощей коснулся груди.

— Звучит зловеще. — Северина поёжилась. — А можно как-то... осмотреть этот движитель?

— Осмотреть можно часть памяти, — сообщил Кощей, выразительно постучал себя кончиком железного пальца по затылку — послышался звучный лязг. — И отверстие для стопора, — он коснулся солнечного сплетения. — Движитель только услышать, он закрыт и недоступен. С чего ты хочешь начать?

— С движителя! — не стала раздумывать она.

Больше всего хотелось осмотреть его руку, но пока удалось сдерживаться. А тут сам хозяин дал разрешение, как не воспользоваться? Да, всё это звучало и выглядело жутко, но... до чего интересно!

Механической оказалась не только рука, но и больше половины торса. Человеческие мускулы местами под кожей соседствовали с металлическими тягами. Открытое шарнир-

ное плечо совершенно не походило на живое, а грудь, полностью искусственную, закрывал медный щиток. Обычная светлая кожа перетекала в металлический покров плавно, без швов и шрамов.

Северина спросила, не доставляет ли ему подобное неудобств, но Кощей явно не понял вопроса — для него всё было привычно и нормально.

Отверстие для предполагаемого стопора располагалось в центре грудины и представляло собой вершковой длины узкую щель с круглым утолщением посередине. С разрешения хозяина, Горюнова немного пошуровала внутри тонкими щупами, нашедшимися среди инструментов в мастерской, но ни она ничего не поняла, ни Кощей изменений не почувствовал.

Зато удалось послушать движитель. Вместо биения человеческого сердца в железной груди Кощей раздавалось размеренное частое тиканье, негромкое и монотонное. Прижавшись к прохладному металлу ухом, Северина некоторое время слушала, но даже любопытство не удовлетворила: как тут что-то поймёшь, через прочный и неразъёмный (это было заметно) кожух!

Пока Северина в нём ковырялась, Кощей сидел на стуле, прямой и неподвижный, расслабленно положив ладони на колени, и не проявлял ни малейших признаков беспокойства, словно автомат. Тычки пальцами и отвёрткой сносил невозмутимо, ни разу не вздрогнув. Даже когда она полезла

с мелкой отвёрткой к замеченному ранее лючку на голове, открывающему доступ внутрь, оставался спокоен. Непонятно, впору завидовать или сочувствовать: бесстрашие шло не от доблести, а от беды с головой.

В голове Северина тоже ничего не поняла. Там крепились на неподвижном валу пять разновеликих кулачков сложной формы. Между ними виднелись прорезы головок настроечных винтов, которые можно было покрутить, и Северина не удержалась, но — повернуть не смогла. Как будто бы не хватило сил, но, наверное, дело в том, что она просто не имела права этим заниматься.

Очень жаль. Много бы она отдала, чтобы разобраться в этом сложнейшем устройстве! Потому что — да, странно, но притом — невероятно красиво и по-своему совершенно. Восхищала естественность движений механизма, безупречность и изящество конструкции, содружество механизма и человеческого тела.

Интересно, отчего Великий Механик сделал его именно таким? Не человек, но и не автомат? Наверное, ему не составило бы труда добиться нужного результата любым другим путём, почему выбрал именно этот? Или не любым и другого выхода попросту не было?..

— Скажи, а Создатель... Кто это был? И за каким механизмом ты должен был следить?

— Мировым. Он собрал Мировой Механизм, но по мере его эксплуатации требовалась отладка, этим я и занимался. В

отсутствие регулировки мир пришёл бы в равновесие и сам, но последствия для обитателей были бы куда более трагическими.

— Но почему считается, что ты вредил людям? Не просто же так возникли все эти сказки!

Кощей неопределённо повёл плечами — живым и механическим — и предположил:

— Иногда некоторые шестерёнки надо было подвинуть. Или настроить поток смазки. Или перераспределить нагрузку на поверхности Колеса. Это не могло не сказываться на людях, которые находились на поверхности.

Великого Механика на Третьем Колесе звали Сварогом. Он собрал мир, дал ему время — и тем вдохнул жизнь. После, согласно мифам, оставил творение на своих детей и удалился отдыхать от трудов — или творить другие миры. Прежде истории богов мало занимали Северину, но сомневаться в них ей даже в голову не приходило. Они есть, есть чуры в избе, есть праздники и традиции... Праздники ей нравились, особенно зимние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.